

Штоквартальны
навукова-метадычны часопіс
Выдаецца з IV квартала 1995 года
Рэгістрацыйны № 438

Серыя «У дапамогу педагогу»
заснавана ў 1995 годзе па
ініцыятыве У.П.Пархоменкі

2 (35) 2004

Чалавек Грамадства Свет

Заснавальнік і выдавец –

Установа «Выдавецтва
«Адукацыя і выхаванне»

Рэдакцыйная калегія

Галоўны рэдактар
Ю. А. Харын
Нам. галоўнага рэдактара
Н. М. Ганушчанка
Адказны сакратар
Р. Я. Грынкевіч

Члены рэдкалегіі

220004, г. Мінск,
вул. Караля, 16;
тэл.: 220-54-81,
факс: 220-54-10
e-mail: aiv@aiv.by
<http://aiv.by>

А. В. Бяляева
В. А. Ганчарова
М. П. Грышчанка
П. С. Кірака
Ч. С. Кірвель
В. У. Пазнякоў
А. А. Палоннікаў
К. І. Сякацкая

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

ЗМЕСТ

Гуманістычныя прыярытэты

- В.И.Шабайлов* Ключевая проблема: реформирование
местного самоуправления 3
- Мартысюк П.Г.* Идея патриотизма в контексте
мифотворчества 21

Старонкі падручніка

- Грищенко М.Ф.* Общие основы экономической науки . . . 25

Пытанні методыкі

- Наумов Д.И.* Тестирование на уроках учебного курса
«Человек. Общество. Государство» 42

Вялікія пераўтваральнікі прыродазнаўства

- Карак П.С.* В.И.Вернадский: биосфера, человек,
социальная экология 50

Навіны навукі

- Милицкий Н.И.* Историческое знание: построение и
представление 65
- Михайлова Н.В.* Проблема двойственности науки:
вычисление или рассуждение 80
- Петрушак В.Л.* Социальная динамика: циклы, волны,
ритмы 89

Развагі, думкі, прапановы

- Андреев А.Н.* Цветы зла на почве свободы 103

Чалавек: лічбы і факты

- По материалам периодической печати 117

Историческое знание: построение и представление

Н.И.Миницкий,

*кандидат исторических наук, доцент БГПУ
им. М.Танка*

Вопросы методологии

Среди гуманитарных наук тема построения и представления знания имеет распространение в философии, методологии истории, философии образования, педагогике, психологии, лингвистике и информатике. Интерес к этой теме постоянно возрастает, особенно с развитием информационных процессов и, соответственно, операционализации знания. Однако заметим, что работ историков, специально посвященных проблемам построения и представления исторического научного и учебного знания, не имеется. Вместе с тем, эти проблемы становятся в центре внимания, когда историки обращаются к эпистемологическим аспектам исторического познания. Обращение к различным гуманитарным наукам в поисках методологических приемов и способов обработки знания вполне естественно в рамках принципа полидисциплинарности. Взаимодействие (интеграция) различных отраслей гуманитарного знания интерпретируется, прежде всего, как обмен идеями, концепциями и общей методологией (4, с. 35, 54; 6, с. 262 – 267; 19, с. 144 – 145; 21, с. 30).

В данной статье предполагается выяснить лишь философско-методологические основания названной темы. Философское начало вполне понятно, ибо только уровень философских обобще-

Навiдні дзвукi

492

ний сможет составить наиболее широкую и универсальную основу для интеграции получаемых частными науками теоретических и методологических знаний по интересующей нас тематике. Естественно, что рамки статейного представления информации не позволяют идти от общего обзора философской литературы по эпистемологии и предполагают ограничение работами, имеющими непосредственное отношение к теме построения и представления знания.

Начать изложение темы можно было бы традиционно, избрав в качестве исходной «клеточки» исследование понятия «структура», которое в переводе с латинского языка означает построение, порядок, расположение. К тому же структуре знания надлежит быть не только построенной, но и представленной. Построение и представление — эти два свойства структуры задают исследованию его методологическую направленность. «Выбор слова уже есть методологический процесс» — писал Выготский. Вместе с тем наш первоначальный выбор нуждается в корректировке. И дело не в том, что понятие «структура» и связанный с ним структурно-функциональный подход в определенной степени потеряли методологическую актуальность. Главное — в изменении представлений о первоначальных сущностях или основополагающих понятиях философии познания.

С самого начала определим семантическое поле понятий, обозначающих различные структуры знания и составляющих концептуализированную предметную область исследуемой проблематики. Этот понятийно-категориальный срез будет выступать в качестве каркаса — метаконцепта — стягивающего отдельные концепты в единую систему. К числу таких слов и словосочетаний следует отнести: «структура», «построение («конструирование», «структурирование») знаний», «представление («репрезентация») знаний», «формы представления знаний», «концептуальные модели», «когнитивные структуры», «конструкты», «знаково-символьная форма представления знаний», «вербально-логическая форма представления знаний», «теоретические схемы», «фреймы», «сценарии», «визуальное мышление».

Модели познания

Во второй половине XX века вышел ряд философских работ постмодернистского направления, в которых был представлен совершенно новый — ризомный подход к построению и представлению знания. Так, Ж. Делез и Ф. Гваттари определили существенное различие между всем тем, что представляет собой отражение действительности и ризомой. Для объяснения природы ризомы авторы обратились к противоположной форме отражения действительности, обозначенной «образом мира — дерева». Ризома — это множественность, не имеющая главного корня. «Сама по себе ризома имеет различные формы, начиная от ее поверхностного ветвящегося расширения и до ее конкретного воплощения в луковицах и клубнях» (7, с. 12). «Ризома не подчиняется никакой структурной или порождающей модели» (7, с. 17). «Генетическая ось» или «глубинная структура» — это признаки прежнего древовидного представления о мире. В ризомном же подходе структуры дерева не имеют главного значения и представляют собой лишь проявления одного из видов множественности.

В конце 60-х годов прошлого века к понятию структуры в истории гуманитарной мысли обратился У. Эко (22, с. 260–261). Исследуя структуру как некую систему органических связей, он приходит к выводу, что «идея структуры пронизала многовековую философскую мысль не только как идея всеобщности, связанная с представлениями о цельности мира, космоса, движимого формой форм, но и в приложении к частным «целым». Анализируя дилемму: структура — теоретическая модель или структурированный объект, У. Эко приходит к парадоксальному выводу, что «в любом случае структура отсутствует» (22, с. 361). Впоследствии он разработал понятие «энциклопедия» применимо к области топологических и логических моделей семиотики. Одним из результатов стало заключение: «понимание энциклопедии не отрицает существования структурированного знания, оно лишь предполагает, что знание не может быть организовано как глобальная и исчерпывающая система, оно

обеспечивает только локальные и временные системы знания» (17, с. 120). Понимание образа мира как энциклопедии У.Эко оказалось противопоставленным символу дерева — «одному из самых сильных «универсальных» структур человеческого мышления и практики освоения мира» (17, с. 119), а также ризомному подходу в постмодернистской философии.

К середине 70-х годов прошлого века в философии выработалось понятие «конструктов» знания: теоретических схем и концептуальных каркасов, как средств построения и представления знания, обладающих свойствами операциональности (8, с. 39, 42—43). Затем было заявлено о необходимости разработки совокупности отдельных процедур и правил перевода этих конструкций из ряда философских и общенаучных понятий на язык конкретно-научных действий. В конечном итоге перевод общеметодологических рекомендаций в совокупность легко запоминаемых и усваиваемых правил превратился в научную проблему, которая стала актуальной как в научной, так и в образовательной сфере.

В конце 80-х годов тема построения и представления знания получила в своем развитии значительный импульс. Это связано, прежде всего, с работой М.Вартофского «Репрезентация и научное понимание», где анализ понятия репрезентации (вторичного представления знаний) является главным. Сама философия рассматривается автором как систематизированное построение моделей (формальных структур), раскрывающих как природу вещей, так и «варианты структурирования нашего понимания мира и самих себя» (5, с. 10). Точнее, эти модели понимаются как формальные структуры онтологического и эвристического характера. Кроме того, модели имеют динамический характер и связаны с практикой. «Это не просто и не только отражение или копия некоторого состояния дел, но и предполагаемая форма деятельности, репрезентация будущей практики и освоенных форм деятельности» (5, с. 11).

По мнению М.Вартофского, репрезентация есть все то, что совершается благодаря познавательной деятельности человека и заключается «в представлении некоторой вещи таким обра-

зом, чтобы мы смогли понять ее» (5, с. 19). Функция репрезентации — сохранить и передать форму этой деятельности. Различные виды человеческой деятельности: коммуникация и производство связаны через восприятие и репрезентацию (5, с. 200—202). Это позволило автору сделать аргументированный вывод, что «репрезентация предстает как специфически человеческий способ познания. Строго говоря, можно утверждать, что без репрезентации нет человеческого знания» (5, с. 15).

Концепт как форма представления знаний

В настоящее время в гуманитарном знании все чаще употребляются слова «концепт», «конструкт», «парадигма» и т.п., означающие различные типы структур знания. Что скрывается за этими, на первый взгляд, чисто этимологическими изменениями? Для наших целей наиболее приемлем такой тип структуры как «концепт», поскольку он дает возможности для выражения самого широкого культурологического смысла слова. «В науке о культуре термин «концепт» употребляется, когда абстрагируются от культурного содержания, а говорят только о структуре, — в общем так же, как в математической логике» (15, с. 44). И еще одно отличие понятия от концепта. «Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» (15, с. 43).

Кроме культурологов отдают предпочтение «концепту» и философы, поскольку термин снимает излишний уровень абстрактности, «делает предметом своего исследования также личностное неявное знание» (10, с. 502). Это вовсе не обозначает отмену абстракций, ибо для создания понятий достаточно прагматических обобщений. «Создание концептов требует уже научного подхода к проблеме, а именно, сравнения и обобщения материала для формулирования концептов в данной области научного знания» (14, с. 278). Лингвисты считают, что концепт «отражает и одновременно обуславливает миропонимание, присущее той культуре, в которой он бытует и которую репрезен-

тирует» (9, с. 267). Главное, что всех объединяет — признание концепта основной ячейкой культуры в ментальном мире человека. Обращение к понятию концепт, на наш взгляд, есть частный случай выражения общего обновления методологии познания, ориентирующейся на идеи социокультурного, антропологического и герменевтического подходов. Единство этих подходов составляет суть обновления методологии и может стать существенной предпосылкой для развития философии познания в начале нынешнего века (11, с. 238).

Обратимся к концепту как форме репрезентации знания. Интерес к этому аспекту познания формировался через семиотику. Философия знаковой формы представления знания стала главной темой монографического исследования Л.Ф.Чертова «Знаковость». Работа носит полидисциплинарный характер. Общая теория знаковых систем, опирающаяся на различные философские и методологические принципы, — такова научная практика исследователя. Автор убежден, что «именно философский уровень обобщений может составить наиболее широкую и универсальную основу для интеграции получаемых конкретными науками разнородных знаний о знаковых процессах и системах» (18, с. 7). Л.Ф.Чертовым построена пространственная модель целостного механизма знаковой связи — «знаковая призма». Синтезируя ряд более простых моделей, она является инвариантной формой представления семиотических процессов, выступает в качестве критерия знаковости. Для историка проблемы знакового представления знания имеют первостепенное значение в выяснении отношений между человеком и визуальным миром через информацию и деятельность.

Теория формализации философского знания, в частности, систематизация содержания как схематизация получила разработку в исследованиях О.С.Анисимова. По его мнению, привлечение схем в образовательные процессы позволит воспринимать их как средства выражения познавательных процессов и содержания. Автором была раскрыта специфика процессов схемообразования. «До сих пор теоретические схемы рассматри-

вались как средство для замещения реальности» (1, с. 186). «Наряду с содержательной функцией им принадлежит и формальная функция» (1, с. 187). В целом, схемы становятся мощным фактором ускорения развития теоретического знания. Схемы обладают операциональностью, благодаря которой гораздо легче осуществляется переход от теоретических процессов к технологическим. Автор приходит к выводу, что «схематизация лежит в основе всех познавательных-интеллектуальных процессов» (1, с. 217). Наличие формы или предметности придает схеме образность и позволяет легче перейти от чистых абстракций к образам реальных объектов.

Примечательно, что в одной из своих работ О.Анисимов рассматривает прагматический аспект схематизации: конспектирование учебных и научных текстов. Изобразительная схема в конспекте становится средством коррекции смыслов, помогает скреплению в единое его отдельных частей, способствует организации мыслительного процесса. Автором раскрыта специфика экспериментального мышления в конспектировании научного и учебного текста (2, с. 280—285). В этом, казалось бы, чисто дидактическом моменте весьма ярко выражено качество операциональности теоретического знания.

Постепенно под влиянием когнитивной науки понимание стратегии и методов построения и представления знания стало меняться. Суть изменений лежит в антропологизации теоретического мышления. «Новое в понимании структуры знания и способов представления — поиск форм и приемов, фиксирующих культурно-исторические и антропологические смыслы познания как человеческого познания» (11, с. 110). Из когнитивной психологии в философию пришло иное понятие схемы. Исходное понимание оставалось близким к традиционному: схема воспринималась как средство структурного анализа знания и познавательной деятельности. Новое качество представлено следующей метафорой: схема — это «структура действия, так же как и структура для действия» (11, с. 112).

Когнитивные образы

Новым стало и философское осмысление форм представления знания: когнитивных карт, фреймов, планов, сценариев, разработанных структурной лингвистикой, воспринятых информатикой и теорией искусственного интеллекта. Философами был сделан вывод о когнитивно-структурной модели невербализованного мышления. Таким образом, возникла проблема соотнесения традиционных, логико-методологических и информационных, когнитивно-структурных и вербальных форм представления знания (11, с. 119–120). В результате понятие как когнитивный образ складывается из всей совокупности вербализованных и невербализованных, неявных компонентов.

Принципиальными для построения исторического знания являются выводы о характерных чертах логико-методологических и когнитивно-структурных форм представления знания. Их основное содержание сводится к следующему: 1) эпистемология является одной из форм представления знания; 2) словесная форма лишь один из способов представления и структурирования знания; 3) когнитивные структуры типа фреймов и схем фиксируют связи и отношения, непосредственно не представленные в традиционных эпистемологических формах; 4) при анализе форм знания следует различать их когнитивный образ и знаковую структуру; 5) прямой перенос фреймовых структур в традиционную эпистемологическую форму невозможен (11, с. 122–123). На наш взгляд, эти теоретико-методологические положения являются определяющими для темы построения и представления исторического знания на данном этапе развития исторического познания.

В рамках системного подхода понятия структуры и организации знания рассмотрены И.В.Блаубергом в книге «Проблема целостности и системный подход». Он обосновывает взгляд на систему знаний, главными свойствами которой является концептуальность (3, с. 242–247) и целостность (3, с. 158–161). Концептуальность и целостность исторических процессов чрезвычайно важные методологические принципы рассмотрения

исторических судеб цивилизаций. Разработка понятия динамической структуры позволяет историку рассматривать исторический процесс не только в статике, но и видеть механизмы того или иного социального действия.

История: новое состояние рациональности

Тема построения и представления знаний, имея одним из своих аспектов структурирование знаний, оказалась причастной к новому пониманию рациональности. Происходящее в настоящее время переосмысление рациональности включает теоретически научное структурирование. Однако теоретически научное структурирование не является единственным видом рациональности. Рассматривая рациональное познание как частный вид рациональности, В.С.Швырев трактует закрытую научную рациональность «как целесообразную деятельность, целью которой является представление, моделирование предмета познания в концептуальных схемах на основе заданных познавательных предпосылок» (20, с. 17). Принципиально важно, что этот тип рациональности отражает идеальный мир практики и основан на познавательных предпосылках парадигм, картин мира, теорий, концепций и гипотез. К тому же, рациональность нельзя абсолютизировать.

Исследование проблем рациональности получило развитие в работах В.С.Степина. Разрабатывая фундаментальные проблемы исследования современного теоретического знания, он останавливается на качественных признаках теоретического знания в развитой науке. По мнению В.С.Степина особенность состоит в том, что в преднауке модели преобразования объектов создавались путем схематизации практики. «В развитой науке этот способ хотя и используется, но утрачивает доминирующие позиции. Главным становится способ построения знаний, при котором модели предметных отношений действительности создаются вначале как бы сверху по отношению к практике» (16, с. 703–704).

Структура также не извлекается непосредственно из практики, «а транслируется из ранее сложившихся отраслей зна-

ния». Эти основополагающие установки позволяют в корне изменить стратегию исследования в эпистемологии истории, но изменения отнюдь не должны идти путем абсолютизации одной из стратегий.

Подобная методологическая позиция выбрана нами в качестве одного из способов изложения своего исследования. Задача нашего исследования — трансляция готовых, или почти готовых, структур знания из философии для построения и представления исторического знания. Подобный подход таит в себе опасность методологического эклектизма. Предостережением от такого рода ошибок является обращение к системно-синергетическому подходу. На этой основе новое состояние рациональности можно объяснить как постоянное взаимодействие (оппозиция, равновесие, дополнение, столкновение) структур длительного и кратковременного действия.

Для постклассической науки характерен синтез различных теорий, среди которых важное место занимает синергетический подход. Анализируя причины образования упорядоченных структур из хаоса, синергетика отвергает традиционное понимание концептуальности, идущее из предшествующих периодов развития познания. Контуры синергетического понимания концептуального содержания исторического процесса составляют понятия нелинейности и самоорганизации, основная парадигма: хаос — порядок.

В последние годы XX века возросло внимание к семиотическому подходу в философии. Он позволяет увязать традиционные качества науки, ее знаниевый, лингвистический и эпистемологический аспекты с деятельностью и коммуникацией. В. Розин в работе «Визуальная культура и восприятие», посвященной формированию визуального мышления, констатирует приоритетность визуального мышления над вербальным. В доказательство приводится следующая аргументация: во-первых, визуальное мышление позволяет воспринимать информацию почти мгновенно; во-вторых, воздействие визуальной информации глубже; в-третьих, визуальные средства способствуют более целостному восприятию; в-четвертых, визуальное представление

информации является первичным средством коммуникации в массовой культуре (12, с. 28–30). Для нашего исследования принципиально важную методологическую роль играет утверждение автора о том, что визуальные средства и системы обеспечивают ряд важных функций непосредственного общения и вторичной репрезентации вербально-понятийных знаний (12, с. 28).

В книге «Семиотические исследования» В. Розин выстраивает логику развития семиотики, центральным понятием которой были методологические схемы или структурные модели. По его определению, понятие структурной модели рассматривается в свете операциональной методологии. Автор обращается к кардинальному и в то же время классическому вопросу: что есть структура? — методологический инструментальный или реальный объект. Вывод следующий: «это и то и другое в разных функциональных значениях на каждом из двух указанных этапов» (13, с. 27).

Весьма ценно построение типологии знаков, сделанное В. Розиным. Он включает сюда знаки замещения, знаки выделения, семиотические схемы и семиотический организм (13, с. 28–29). Автор считает настоятельной необходимостью анализ и осмысление схем. «Схемы — это самостоятельный предмет, выступающий одновременно как представление (или изображение) другого предмета» (13, с. 126). «Схема и сама является предметом, и представляет другой предмет» (13, с. 127). Она выступает как источник знания и как средство его переноса. Подобное определение функционального предназначения схем весьма близко по тональности к когнитивной психологии: теории переноса знания.

Герменевтические аспекты

Обновление философского знания в конце XX — начале XXI века происходило не только за счет постмодернистских течений, но и в модернизации традиционного философского знания. В традиционной философии происходят существенные теоретические изменения, которые оказывают влия-

яние на развитие познавательных практик. В книге Л.А.Микешинной «Философия познания» предметом исследования избран синтез многообразных когнитивных практик. Обращение к новому пониманию рациональности предполагает иную роль субъекта познания. Он предстает «как задающий предметные смыслы, понимающий, интерпретирующий и расшифровывающий глубинные и поверхностные, буквальные смыслы» (10, с. 19).

Для гуманитарного знания принципиально важно, что познавательный процесс не ограничивается отражательными процедурами. С позиций философии познания, наряду с отражением, к числу фундаментальных следует отнести репрезентации, конвенции и интерпретации (10, с. 20). Стало очевидным, что проблемы философии познания тесно переплетаются с проблемами и опытом герменевтики, ее когнитивной практики, имеющей дело с языком, текстами, значениями, и смыслами, означающими и означаемыми² (10, с. 21).

Л.А.Микешина проводит различие между понятиями «теория» в естественных и гуманитарных науках. Жесткая дедуктивная последовательность, строгое обоснование и доказательность, логическая связность и непротиворечивость, выводимость из исходного базиса — все это присуще естественным наукам. Для гуманитариев речь должна идти о теории в широком смысле «как о комплексе взглядов, представлений, идей, направленных на объяснение, интерпретацию знания и познавательной деятельности» (10, с. 32). Следовательно, гуманитарному знанию нельзя предъявлять выполнения требований рациональных правил естественных наук и соответственно отказывать ему в научности при несоблюдении таковых.

Л.А.Микешина считает одной из ведущих когнитивных практик герменевтику, выступающую сегодня «как искусство понимания, постижения смыслов и значения знаков; как теория и общие правила интерпретации текстов; наконец как философское учение об онтологии понимания и эпистемологии интерпретации» (10, с. 60).

Заметим, что исследовательский интерес современных философов все более сосредотачивается на сущностях «третьего

мира»: символических, лингвистических и языковых выражениях субъективных, ментальных состояний и средств коммуникаций людей.

Обобщим изложенное

В заключении сформулируем выводы по анализу философской литературы, содержащей изложение проблем построения и представления знаний:

1. К ключевым философским основаниям проблемы построения и представления знания следует отнести концепт «структура», являющееся исходным для построения и представления знания. Построить структуру знания, значит — понять его смысл. Концепт «структура» остается в центре внимания различных теоретических построений и концептуальных подходов, которые выстраиваются на линии «космос — хаос».

2. Понятие «построение» связано с внутренней и внешней структурой знания, выраженной посредством теоретических и визуальных схем или знаковых систем. Схема и знак являются как моделью объекта, формой его представления, так и познавательным инструментарием. Схематическое и знаковое представление знания является выражением не только сущностных сторон, но служит основанием для производства нового знания.

3. Построение моделей знания в развитой науке возможно «сверху», т.е. на основе других идеальных объектов. В тоже время новые идеальные объекты не должны быть оторваны от реальной когнитивной практики субъекта познания. Одной из ведущих когнитивных практик следует считать герменевтику как понимание и интерпретацию всевозможных форм текста.

4. Взаимосвязь вербально-логической (понятийной) и знаково-символьной (визуальной) форм построения и представления знаниевых (когнитивных) моделей все более интерпретируется на основе признания их равноценной значимости (взаимодополняемости), а не на доминантной первичности одной из них.

5. Знаниевые модели в любой форме представления связаны с познавательной деятельностью, имеют операциональный

характер (построение, обработка и перенос знания) и тем самым являются составной частью когнитивных практик.

Итак: с философских позиций структурное образование «концепт» отражает предметную (онтологическую) и операциональную (познавательную) стороны когнитивных практик. Это является исходным началом для построения и представления знания. К тому же, концепт, с одной стороны, включает структуру знания, с другой — то, что существует в сознании человека: представления, понятия, ассоциации, переживания и прочие признаки ментальности и культуры. Новая интерпретация концепта как типа структуры знания отражает изменение общей стратегии методологии философии, ориентирующейся на антропологический, социокультурный и герменевтический подходы. Тему построения и представления исторического знания следует рассматривать в рамках этой же методологической направленности как частный случай синтеза названных подходов.

1. *Анисимов О.С.* Методология: функции, сущность, становление (динамика и связь времен). — М.: «ЛМА», 1996. — 380 с.

2. *Анисимов О.С.* Основы методологического мышления. — М.: Внешторгиздат, 1989. — 412 с.

3. *Блауберг И.В.* Проблема целостности и системный подход. — М.: Эдиториал УРСС. — 1977.

4. *Бондарев В.Г.* Современные парадигмы образования. На пути к целостности и самоорганизации / В.Г.Бондарев. — Мн.: НИО, 2003. — 128 с.

5. *Вартофский М.Ф.* Модели. Репрезентации и научное понимание. Пер. с англ. / Общ. ред. и послесловие И.Б.Новика и В.Н.Садовского. — М.: Прогресс, 1988. — 507 с.

6. *Громыко Ю.В.* Мыследеятельностная педагогика (теоретико-практическое руководство по усвоению высших образцов педагогического искусства). — Мн.: Технопринт, 2000. — 376 с.

7. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Ризома. / Философия эпохи постмодернизма: Сб. переводов и рефератов. — Мн.: Изд. ООО «Красико-принт», 1996. — С. 6–31.

8. *Ильин В.В.* Теория познания. Эпистемология. — М.: Изд-во МГУ, 1974.

9. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 375 с.

10. *Микешина Л.А.* Философия познания. Полемиические главы. — М.: Прогресс-Традиция, 2002. — 624 с.

11. *Микешина Л.А.* Представление знания и познавательной деятельности с помощью фреймов. Гносеологические смыслы такого подхода // Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы реальности. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. — С. 109–123.

12. *Розин В.М.* Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и воспринимает мир. — М.: «Эдиториал УРСС». — 1996. — 224 с.

13. *Розин В.М.* Семпиотические исследования. — М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. — 256 с.

14. *Соломоник А.* Философия знаковых систем и язык. — Изд. 2-е дополненное и исправленное. — Мн.: МЕТ, 2002. — 408 с.

15. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2001. — 990 с.

16. *Степин В.С.* Теоретическое знание. — М.: Прогресс-Традиция, 1999. — 743 с.

17. *Усманова А.Р.* Умберто Эко: парадоксы интерпретации. — Мн.: «Пропилен», 2000. — 200 с.

18. *Чертов Л.Ф.* Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи: 1993. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. — 388 с.

19. *Шатон Г.И.* Развивающая педагогика: введение в классическую дидактику. — Мн., 2000. — 234 с.

20. *Швырев В.С.* О понятиях «открытой» и «закрытой» рациональности (рациональность в спектре ее возможностей) // Рациональность на перепутье. В 2-х книгах. Кн. 1. — М.: «Всероссийская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — С. 9–45.

21. *Шмаков В.С.* Структура исторического знания и картина мира. — Новосибирск: Наука, 1990. — 187 с.

22. *Эко Умберто.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб.: ТТО ТК «Петрополис», 1998. — 432 с.